

ТР

К 75-летию

со дня рождения В. Киршона

НЕЗАБЫТАЯ ПЕСНЯ

В. Киршон. 1924 г.

В СЕРЕДИНЕ 20-х годов, на одном из ВОАППовских пленумов, где я представлял ярославских писателей, мне привелось познакомиться впервые с Владимиром Михайловичем Киршоном.

Правда, в те баснословные времена в литературной, комсомольской, да и партийной среде еще не принято было называть друг друга по имени-отчеству.

Потому, когда я, увидев за столом президиума разных незнакомых мне людей, спросил, кто они, мой дошлый сосед-москвич стал объяснять:

— Вот тот, который с бородкой, — это Юрка Либединский, кудрявенький парнишка — Борька Горбатов из Донбасса, поэт, а вон тот, черненький, что сейчас кому-то на ухо анекдот рассказывает, — это Володька Киршон, драматург.

Меня не покорила эта фамильярность московского кружковца. Ведь тогда всех так, полуименами, называли — то ласкательными, то шутивными. Да и среди сидящих в президиуме самому старшему, Юрию Либединскому, автору знаменитой «Недели», было всего двадцать восемь лет, а младшему, Горбатову, меньше двадцати.

Еще не прочитав ни строчки драматургических творений Киршона, я на этом пленуме убедился в том, что мать-природа не лишила его ораторского дара. В своем выступлении с трибуны пленума он был горяч, задорен, по-молодому задирист в полемике. Если мне не изменяет память, свои сарказмы он расточал и направо, и налево...

Таково было первое, так сказать, заочное знакомство с Киршоном. Познакомиться и поговорить с ним мне в тот раз не удалось.

Когда я через два года приехал в конце лета 1928 года в Москву для работы в секретариате ВОАПП, несколько лет совместной работы в довольно тесном коллективе работников всесоюзной и московской ассоциаций, посещения театров и чтение пьес позволили мне ближе познакомиться с Киршоном, узнать и оценить его как человека, как коммуниста, как драматурга и как товарища по общей борьбе.

В том году Володе исполнилось двадцать шесть лет. Хотя в нынешние времена этот возраст считается в литературе чуть ли не младенческим, за спиной Киршона уже было участие в гражданской войне, учеба в «Свердловке», партийная работа на юге. В нашей среде он был единственным пока сложившимся драматургом, пьесы которого — «Константин Терехин», «Рельсы гудят» — уже с успехом шли в московских и ленинградских театрах и на периферийной сцене.

Во времена так называемого «прыжка ударников в литературу», ударным мы хотели (не очень удачно, из-за кампанейщины) открыть дорогу в литературу талантам

из рабочей среды, мне пришлось наиболее близко работать с Володей Киршоном в Московской ассоциации пролетарских писателей и в созданном и редактируемом им журнале для рабочей литературной молодежи «Рост». Тут были воочию видны неиссякаемая общественная энергия Киршона, его изобретательность, присущее ему чувство ответственности за завтрашний день советской литературы и ее рабочего ядра. За долгие годы своей литературной жизни я был соредктором во многих периодических изданиях. Но ни в одном из них не было такой творческой, товарищеской обстановки, как в работе редакционного коллектива «Роста».

Загруженный сверх меры множеством литературно-общественных дел, не пропуская ни одной дискуссии, ни одного литературного спора, Киршон ухитрялся быть плодотворным и интенсивно творчески растущим драматургом, чьи пьесы, как правило, широко ставились на театральных подмостках нашей страны.

Пройдя большую школу партийной выучки, Киршон, сверх меры погруженный в литературные дела и споры, ухитрялся не порывать связь с жизнью. То он исчезал из Москвы на определенное время и потом появлялась пьеса «Хлеб», откликающаяся на самые насущные нужды общества. Она была точно нацелена и внутренне убедительна потому, что серьезное участие в жизни колхозной воронежской деревни было плодотворным источником авторских размышлений.

Другой раз Киршон уезжал за границу и по возвращении появлялась его пьеса «Суд», опять-таки откликающаяся на самые острые проблемы борьбы международного рабочего класса.

Нечего греха таить, не все безупречно было в пьесах Киршона. Высокий гражданский пафос некоторых из них иногда оборачивался риторикой и резонерством. В веселой, талантливо написанной пьесе «Чудесный сплав» веселье и остроумие нередко подходило к грани цирковой клоунады. История, к сожалению, не подтвердила оптимизма последней киршоновской пьесы «Большой день», где автор отдал общую для нас дань облегченному представлению о надвигающемся великом военном испытании.

Все это было. Но все это не может заслонить того, что на протяжении целого десятилетия, наполненного великими историческими событиями, пьесы Киршона, крепко слаженные, целеустремленные, пробивали дорогу на сцену советского театра самой боевой и злободневной тематике нашего времени, были для актеров школой работы над образом современника — активно-делателя истории. До прихода Киршона в драматургию не появлялся на театральных подмостках такой живой коммунист, как Михайлов из «Хлеба», такая живая, молодая поросль интеллигенции, как герой «Чудесного сплава».

Сегодня я мысленно представляю себе боевой путь Володи Киршона, начавшийся на борту красного бронепоезда и трагически оборвавшийся на высоком взлете его жизни... Скольким еще мог сделать в литературе этот незаурядный человек!

Алексей СУРКОВ